

НЕ САМЫЙ ЛУЧШИЙ СЕЗОН, НО...

Театр им. Вл. Маяковского: с надеждой на завтра

Февраль-90. Несколько человек из крушащейся все подряд толпы, рывав циркужное окно, залезают в кабинет главного режиссера театра им. Вл. Маяковского Н. Ширяева и забирают его личные вещи и документы.

Апрель-май-92. По вечерам в кабинете нынешнего главрежа майковцев В. Абдуразакова митингующие с площади Шахидов смотрят телевизор. Большая же часть митингующих, что находится в театре (человек примерно двести), дисциплинированно устраивается в фойе на ночлег.

Вот так дважды и столь по-разному театр им. Вл. Маяковского оказывался в поле всем известным острых событий. Ну, а в «промежутке» между ними театр жил своей жизнью, своими заботами. О них мы и говорим с Барзу Абдуразаковым перед завершением очередного сезона майковцев и первого сезона в этом театре его нового главрежа. И разговор не мог не начаться с «участия» театра в недавней сошедшей на нет митинговой волне.

— Судя по порядку, споконстанно в здании театра, заветом «шахидовцам», у вас с ними было полное взаимопонимание?

— Да, и мы предоставили митингующим театральное фойе именно в надежде решить возникшие в связи с этим их и наши проблемы по-хорошему, без каких-либо эксцессов. Все условия, на которых мы пустили в театр оппозицию, точно соблюдались. В кабинете у меня тогда находилась немалая сумма денег — стипендия студентам институту искусств, которые занимаются у нас. Я, естественно, побоялся выходить с этими деньгами на улицу, где было неспокойно, и прямо сказал о том, что они лежат у меня в столе, представителям оппозиции, следящим по порядку в здании. В итоге — не пропало ни копейки.

— Что ж, все хорошо, что хорошо контактирует. Вы вновь вошли в деловую ритм и, хотя пока и не возобновили показ спектаклей на стационаре, воспомяты репетициями. Заключившийся сезон тем не менее трудно назвать удачным, плодотворным...

— И театр, ч. л. как его

главный режиссер, — мы мало чем, увы, можем похвастаться по поводу того, что нами сделано за это время. Конечно, все претензии к театру я отношу в первую очередь к самому себе. Понятно, людям не до театра, даже с другом теперь не всегда есть о чем поговорить — порой не говорится как-то, а тут надо уговорить, заговорить тысячи зрителей. Но никогда я так много не читал пьес, чтобы театр сделал самый верный для публики выбор. Перечел классику, находил новейшие драматургические опысы. Надлежало серьезная несостыковка между публикой, театром и мною, раз нынешний репертуар майковцев небогат и зрительского интереса, исключая спектакли для детей, не вызывает. Что касается несостыковки между театром и мною, то ее причина лежит, в общем-то, на поверхности. У меня здесь нет своей «команды», полностью понимающей, разделяющей мой взгляды на сценическое искусство. Была такая «команда» в театре у Валерия Ахадова — он почти полностью взял ее с собой в Магнитогорск. Была и у Никиты Ширяева, с его уходом большей частью разбегавшись по СНГ. Да я и не хочу создавать точное подобие таких «команд» с вовлечением их участников в любую подробность театральной жизни, с четким делением на своих и не своих. «Команда» для меня — понятие сугубо творческое, эстетское. Антер, я считаю, должен до самых мельчайших нюансов понимать, что же хочет от него на репетициях режиссер; антер должен очень тонко и умело воплощать моменты собственного пребывания на сцене.

— Но если в чужую, даже вроде бы и совсем близкую, актерскую душу не влезть, если до нее не достучаться, есть безотказные варианты сугубо волевой режиссуры. Антеру доводится нечто вроде приказа, который он и исполняет...

— Зачем же, помяните, театр превращать в роту солдат! Театр-то и интересен, неповторим, значим тому, что все в нем — живое, естественное, правдивое. Людей, которых собирает вместе театр, будь они на сцене или в зале, на работе или отдыхе, способно

объединять, хоть на время, одно — переживание, сознание того, что перед ними, с ними происходит нечто важное, что они в это важное, в эти радости, смех и печали способны достаточно глубоко и искренне погрузиться.

— Увы, вряд ли сегодня у нас возможен такой идеальный, «осенноплодущий» театр. Необходимы ведь идеальные условия в нем и вокруг него. Как же быть при неидеальном раскладе сил? Закрыть театр, существовать в нем на каких-то минимально-прожиточных позициях или все же уверенно осуществлять заветные главрежиссерские идеи?

— Закрыть — ни в коем случае. И дело не в стелле во его работах и в степени внимания к нему публики, а в нем самом. Театральное искусство — я с каких пор! — есть непременно слабоемое любой мало-мальски цивилизованной жизни. Театр — «выше» публики и любого самого гениального мастера сцены, он вбирает в себя всех их, он не способен исчерпать себя. И, конкретно, русский драмтеатр нуждается суверенной Республике Таджикистан. Необходимо как потенциальное средоточие русской и мировой культуры, как свидетельствовало давно уже сложившегося и живого взаимовлияния культуры, как культуры вообще, во всех смыслах.

Говоря же о самом себе... Первый мой год в театре им. Вл. Маяковского получился для меня годом разнообразных испытаний, не каждое из которых я выдержал. Я даю себе «испытательный срок» здесь еще на один год — и исключительно для того, чтобы сдвинуть-таки работу в театре с того самого минимального, нижнего уровня. Есть определенные планы. Раскрывать их не буду, лучше потом посмотреть, насколько они осуществляются.

Надеюсь на помощь, поддержку государственных и негосударственных структур, на появление на сцене майковцев героев как полнокровных, мощных характеров. Надеюсь на то, что ближайший и следующие сезоны наш театр сможет, несмотря на любые трудности, достойно относиться к тому искусству, которому он призван служить талантливо и на совесть.

Р. КЛОТНИН.